

«Возвышенное» и «высокое» (Нравственное состояніе современнаго міра).

Добро и зло мистичны, и въ ученіи о добрѣ и злѣ есть тайна. Въ христіанскомъ сердцѣ мистика добра и зла дана съ особой силой. Въ современной жизни происходитъ болѣзненное искаженіе этическихъ сужденій, помраченіе различія между добромъ и зломъ. Это болѣзнь сердца, ибо оно есть органъ, различающій добро и зло. Возьмите этическое сужденіе, характерное для пролетарскаго сознанія современности — «пролетаріатъ всѣхъ можетъ грабить и убивать, его же — никто». Луначарскій недавно въ Женевѣ заявилъ: «Мы признаемъ только массовый терроръ. Индивидуальнаго террора мы не признаемъ». Иначе говоря, массовое убійство мы оправдываемъ и даже предпочитаемъ. Это одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ современнаго помраченія способности нравственнаго сужденія. Нужно замѣтить, что оно случалось не во всѣ времена. Обратимся къ расцвѣту средневѣковья. Человѣкъ ясно зналъ, что такое добро и что такое зло. «Я — такъ можно выразить средневѣковое моральное сознаніе — грѣшенъ, я неправеденъ, но я ясно знаю, что добро и что зло».

Такое состояніе нравственнаго сознанія и нравственной жизни выражено въ словахъ Овидія: «*Vide meliora, proboque, deteriora sequor*» («Вижу лучшее и одобряю, но слѣдую худшему»). Апостоль Павелъ ту же мысль выразилъ словами: «Желанье добраго есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу» (Рим. 7, 18). Сейчасъ — напротивъ: *non vident, neque probant* (не видятъ,

даже и не одобряютъ). Въ противоположность апостолу, есть масса людей, которые служатъ злу **умомъ**, которые подъ видомъ добра утверждаютъ зло. Для ищѣнія этическаго сознанія можно и нужно прибѣгнуть только къ христіанству, какъ къ великому расширенію и углубленію этическаго сужденія.

Христіанство всегда давало величайшее углубленіе сердца. Русская литература поняла это съ огромной силой. Достоевскій и Толстой непрерывно росли, сосредоточиваясь на углубленіи этическаго сужденія, на углубленіи логики сердца. Есть логика сердца, и ее можно потерять. Въ одномъ центральномъ этическомъ сужденіи согласны Толстой и Достоевскій — невозможно принять преступленіе, хотя бы оно и вело къ благимъ результатамъ. Невозможно устроеніе благополучія на преступленіи. И при этомъ особенно неприемлемо именно **у д а в ш е е с я** преступленіе: удавленное устроеніе. Сейчасъ никто не прощаетъ преступленія отдѣльнаго человѣка, но преступленія государства, коллектива, не только прощаются, но и одобряются: вызываютъ восхищеніе. Вотъ противъ чего съ такой силой высказывался Толстой.

Къ числу такихъ искаженій относятся сужденія Бернарда Шоу о большевикахъ. Эти сужденія слышатся постоянно. Ихъ повторяютъ салонные снобы и большевиканствующие интуристы. Отсюда нетрудно понять страстную ненависть къ иностранцамъ совѣтскихъ гражданъ. Когда интуристъ гуляетъ по улицамъ Москвы, онъ не можетъ не раздражать своей свободой, онъ оскорбляетъ и своими сужденіями, больше же всего — своимъ окаменѣлымъ нечувствіемъ.

*) Запись по памяти доклада проф. Б. П. Вышеславцева на сѣздѣ Р. С. Х. Движенія во Франціи.

Въ послѣднемъ смыслѣ есть только два основныхъ подхода къ добру и злу — или съ точки зрѣнія христіанской, духовной, или съ точки зрѣнія антихристіанской, матеріалистической.

Атомистическій матеріализмъ столь же древень, изначалень, какъ и духовное воспріятіе міра. Уже въ индійской древней поэзіи есть сказаніе о демонѣ, научившемъ людей объяснять міръ изъ атомовъ. Матеріализмъ есть своего рода религія, суть которой полностью характеризуется словами ап. Павла: «Ихъ Богъ — чрево». Эта особая психологическая установка, раздѣляемая вполнѣ большинствомъ современныхъ противниковъ коммунизма. Въ этомъ и состоитъ ихъ безсиліе. Быть самага обыкновеннаго классическаго буржуа практически есть быть законченнаго матеріалиста. Такой буржуа, въ сущности, вѣритъ только въ экономическій фундаментъ.

Марксъ не сказалъ ничего новаго: онъ возвелъ въ теорію то, что уже существовало, какъ общая психологическая установка. Ученіе Маркса — апофеозъ мѣщанства, — мѣщанство, возведенное въ систему и ставшее религіей.

Чичиковъ — настоящій экономическій матеріалистъ. Онъ вѣритъ только въ «экономическій базисъ», и въ основѣ его спекуляціи на «мертвыя души» лежитъ стремленіе все перевести въ низшія цѣнности, единственно ему доступныя. Христіанство признаетъ цѣнность хлѣба. Въ молитвѣ Господней мы просимъ: «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь». Но если утверждается, что хлѣбъ самое насущное, единое на потребу, то это уже не христіанство. Сущность системы Маркса можно опредѣлить, какъ «спекуляцію на пониженіе». Достоевскій — устами Шигалева — съ поразительной силой формулируетъ самое существенное въ этой системѣ: «Сотремъ всѣ высокія горы, всякій геній потушимъ въ младенчествѣ».

Марксизмъ есть сведеніе всего возвышеннаго, всего прекраснаго, всѣхъ проявленій духа и человѣческой геніальности къ низшимъ мотивамъ къ матеріальному фундаменту. У Гете эта «игра на пониженіе» выражена въ Мефистофелѣ. Мефистофель — настоящій геній «вскрытія подноготной», наиболѣе низменнаго, пошлаго въ человѣкѣ. «Вскрытіе подноготной» — всегда было любимымъ выраженіемъ, любимымъ занятіемъ марксистовъ.

Для лакея нѣтъ великаго человѣка — онъ все видитъ и все объясняетъ мелкими мотивами, сводитъ на низшія категоріи и цѣнности.

Отсюда этическая и эстетическая пустыня марксизма, неудача марксистскаго искусства — оно построено на низведеніи возвышеннаго къ плоскому и низменному. Отсюда — хамскій тонъ совѣтской прессы. Этика и эстетика предполагаютъ возвышеніе, **сублимацію**, вырастаютъ изъ нея. А въ марксизмѣ не сублимація, а **профанація**, сведеніе всего къ низшему и простѣйшему, изгнаніе всякой тайны, мистеріи. Сублимація, одухотворяющая все не духовное — прямая противоположность профанаціи. Профанація — метафизическій принципъ марксизма. Все, чего ни касается марксизмъ, — онъ неизбѣжно профанируетъ. Марксизмъ профанируетъ религію, утверждая, что она продуктъ корысти жрецовъ, профанируетъ науку, объявляя ее прислужницей капитализма, профанируетъ искусство, давая ему социальный заказъ («чего хочетъ пролетаріатъ»), профанируетъ любовь: «безъ черемухи». Подъ всѣми проявленіями лежитъ принципиальный фундаментъ — сведеніе всѣхъ высшихъ формъ бытія на низшія. Въ результатѣ такой профанаціи нѣтъ ничего святаго. Категория святости и чувство благоговѣнія уничтожаются.

Но если нѣтъ святаго, то нѣтъ возможности сублимаціи, нѣтъ возвышенія серд-

ца. Сублимація рождається въ сердцѣ благоговѣйномъ. Благоговѣніе рождаеть стремленіе къ высочайшему, выходъ ввысь, восхищеніе. Отсюда такое центральное значеніе въ религіи идеи «Всевышняго» и отсюда же такая вражда ко Всевышнему въ томъ міросозерцаніи, которое дѣлаеть ставку на пониженіе. Цѣнности, конечно, извѣстны и матеріалистическому коммунизму но цѣнности не возвышеннаго, а **высокаго**, цѣнность величины, а не величія. Цѣнности большого небоскреба, трактора, завода, цѣнности не святости, а наглой силы, самоутверждающагося сильнаго звѣря. Религія власти силы земли, князя міра сего — безконечно болѣе распространена, чѣмъ думаютъ.

Въ Библіи даны классическіе символы вѣры въ величину и силу — Вавилонская башня и Навуходносоръ — это не статическіе, а динамическіе символы, сохраняющіе значеніе во всей исторіи и въ наши времена. Когда христіанъ заставляли поклониться золотой статуѣ кесаря, и они, отакзываясь, обрекали себя на пытки и смерть, это было совершенно непонятно для язычниковъ. Христіане же отказывались поклониться тому, что противоположно христіанству — колоссу власти и силы. То же поклоненіе мощи, организаціи лежитъ въ основаніи идола современности, въ основаніи деспотической организаціи коллектива. Здѣсь есть свое напряженіе воли, своя грандіозность, есть устремленіе къ новому, какъ будто своя сублимація, но сублимація титаническая, сублимація самовозвышенія — построимъ міръ «собственной рукой». Но это ложная сублимація: она называетъ высокимъ то, что низко и лишено истиннаго величія. Христіанство вѣритъ въ возвышенное, въ правду, а не въ силу. Достаточно вспомнить слово **крестъ**, чтобы понять смыслъ этой вѣры. Здѣсь открывается поразительное прозрѣніе —

центральное и основное для Христіанства. Все возвышенное, благородное, драгоцѣнное, что именуется въ Евангеліи **ж е м ч у ж и н о й** и кладомъ, есть, къ нашему изумленію, — самое хрупкое и уязвимое. Человѣкъ болѣе уязвимъ, чѣмъ животное, животное болѣе уязвимо, чѣмъ растеніе, растеніе — болѣе, чѣмъ камень. Каменные горы несравненно прочнѣе человѣка, животныхъ, растеній. Все возвышенное и святое всего легче можетъ быть разрушено, можетъ умереть, страдать. Сократа легче убить, чѣмъ **с и р а к у з с к а г о т и р а н а**, Христа легче убить, чѣмъ **П и л а т а**. Не лучше ли поклониться префекту и тирану, которыхъ нельзя убить, и которые сами могутъ всѣхъ убить? Власть и сила прежде всего заслуживаютъ поклоненія. Она есть единственно надежная и прочная опора и потому высшая цѣнность. Такъ разсуждаетъ и пролетаріатъ — онъ хочетъ такъ устроиться, чтобы его никто не могъ обидѣть, а онъ самъ могъ всѣхъ обидѣть. Вотъ установка сознанія, противоположная христіанской.

Возвышенное, подлинно святое, героическое есть самое непрочное, хрупкое, эфемерное, но притомъ въ самой непрочности его и даже въ гибели — всего полнѣе раскрывается его величіе. При столкновеніяхъ съ наглой силой оно не защищается, а даже какъ бы ищетъ гибели. Святой Серафимъ, когда на него напали разбойники, будучи силачемъ, предпочелъ перенести побои, чѣмъ защищаться. Иные сразу понимаютъ, что и **м е н н о з д ѣ с ь** въ самомъ хрупкомъ, уязвимомъ, но возвышенномъ, самомъ цѣнномъ, что его надо предпочесть несмотря на эфемерность, всѣмъ прочностямъ. Другіе **н и к о г д а** этого не поймутъ. Таковъ Чичиковъ, напимѣръ. Для такихъ людей навсегда останется неотразимымъ аргументъ труса, бѣжавшаго съ поля сраже-

нія: «Лучше полчаса быть трусомъ, чѣмъ потомъ всю жизнь — покойникомъ». Героизмъ эфемеренъ — отъ него ничего не остается. Меньшинство понимаетъ цѣнность возвышеннаго и святаго, большинство безъ колебанія избираетъ силу, богатство, власть. Колебаніе начинается лишь тогда, когда надо принять преступленіе, какъ средство достиженія. Но колебаніе продолжается недолго: лучше причинить несправедливость, чѣмъ терпѣть несправедливость! Такъ рѣшаетъ большинство. (Противоположное утверждалъ Сократъ, и утверждаетъ Христіанство). Распространенное выраженіе: «Побѣдителей не судятъ» — увѣковѣчиваетъ такое отношеніе. Съ точки зрѣнія христіанской оно глубоко антиморально, но именно оно лежитъ въ основаніи всѣхъ большевизанствующихъ сужденій.

Въ подлунномъ мірѣ, а можетъ быть и во всей вселенной, видимъ дѣйствіе этого страннаго и страшнаго закона: все возвышенное, благородное и цѣнное есть самое разрушимое и уязвимое. Самое грустное видѣть вещи умершаго человѣка: его нѣтъ, онъ погибъ, а вещи, наперекоръ всякому смыслу, цѣлы и долго еще будутъ существовать. Камень могильный обладаетъ почти вѣчностью. Пульсъ часовъ на рукѣ умершаго еще бьется и будетъ биться хотя пульсъ любимаго существа остановился навсегда. Нервная ткань — самая благородная ткань человѣческаго организма — разрушается очень быстро, а скелетъ, костякъ держится столѣтіями. Этотъ законъ есть существо трагизма. Смерть же есть фактъ трагизма. Гибель героя, пророка, святаго есть высшее напряженіе трагизма. Это понимаетъ Христіанство и, пожалуй, только Христіанство. Христіанство есть религія трагизма, ибо оно дѣлаетъ своимъ центромъ Крестъ и Голгоѳу, какъ предѣлъ трагизма. Есть нѣчто невѣроятное въ казни Того, Кто есть воплощенное

Божество, Кто несетъ любовь и радость; есть непонятное въ смерти Того, Кто есть источникъ жизни. Недаромъ Максимъ Исповѣдникъ не находитъ словъ, чтобы выразить изумленіе, какъ Богочеловѣкъ можетъ умереть. Самое божественное, самое возвышенное — Богочеловѣкъ — обрекается на самую низшую участь! «Проклять всякій, висящій на деревѣ» — говоритъ Ветхій Завѣтъ; самый возвышенный умерщвляется самой позорной смертью! Далеко не всѣ люди чувствуютъ невѣроятную недопустимость трагическаго факта и вмѣстѣ съ тѣмъ его величіе и цѣнность. Здѣсь водораздѣлъ, мистическая грань между различными душами. Всякій мессіанизмъ, уповающий на власть, не принимаетъ этого чуда и тайны, какъ не принялъ ихъ еврейскій мессіанизмъ. Понять и принять Мессію страдающаго, униженнаго, властный мессіанизмъ не можетъ.

Но Христіанство есть не только религія принятія трагедіи, но и п р е о д о л ѣ н і я ея. Есть религіи, понимающія трагическую основу бытія, но не преодолевающія трагизма бытія, а бѣгущія отъ него, уходящія въ свое «я», въ Нирвану. Таковы индуизмъ и буддизмъ. Люди больше всего боятся трагизма. И многимъ совершенно не свойственно принятіе трагизма: не надо никакихъ тайнъ, не надо ничего трагическаго! Непріятіе трагизма — самая обычная черта характера. Вѣдь Чичиковъ — этотъ геніальный типъ вѣчнаго мѣщанства, истинный типъ «экономическаго матеріалиста» не знаетъ и не пріемлетъ трагизма. Всѣ его планы могутъ рухнуть, можетъ погибнуть все, ради чего онъ работалъ всю жизнь, его могутъ отправить въ ссылку — для него во всемъ этомъ не будетъ никакого трагизма, будетъ только страшная «непріятность».

Христіанство пріемлетъ и преодолеваетъ трагизмъ. Христіанство — самая мужественная религія; буддизмъ, напротивъ,

религія великаго страху передъ бытіемъ, испуга передъ рожденіемъ. Въ Христіанствѣ есть смѣлое принятіе гибели героя-святого, принятіе смерти человѣка, есть подлинное и глубокое переживаніе трагизма, но есть и другое: столь же глубокое переживаніе, столь же глубокая и подлинная истина. Гибель, трагедія **никогда** въ Христіанствѣ **не признается за послѣднее слово**. Въ Христіанствѣ есть прозрѣніе иного, высшаго, есть дерзаніе утверждать что хотя и погибли герои и святые, но они **живутъ и будутъ жить**. Въ Христіанствѣ есть предчувствіе утѣшенія, вѣяніе Утѣшителя, Духа Истины: какой-то другой истины, а не грубой истины факта. Въ томъ, въ чемъ невѣріе видитъ абсолютный конецъ, въ томъ Христіанство видитъ начало чего-то иного. Умерла мать ее бросаютъ въ землю и зарываютъ. Это истина факта, но я говорю: нѣтъ, это не можетъ быть, это не все: а за этимъ что-то скрывается, есть скрытый смыслъ послѣдняго утѣшенія. Во всякой подлинной трагедіи есть такое предчувствіе высшаго потусторонняго смысла и утѣшенія, именно поэтому трагедія возвышаетъ и куда-то зоветъ и очищаетъ духъ. Если отказаться отъ этого, то нѣтъ смысла жить, надо избавляться отъ жизни всѣми доступными способами.

Христіанское упованіе неожиданно и по-новому дерзновенно ставитъ вопросъ. Смерть героя-мученика утверждается въ Христіанствѣ, какъ побѣда, а не пораженіе. И это **утвержденіе оправдано** въ исторіи Христіанства: сколько разъ хотѣли истребить христіанство, сколько гибло апостоловъ-мучениковъ и святыхъ — и Христіанство воскресало и обновлялось. Есть другая мистическая истина Христіанства, кромѣ истины трагизма, креста, гибели возвышеннаго и святого — это истина утѣшенія и Воскресенія, центральная истина **Воскресенія Христова**. Смерть, страданія, неправда богоотставленность

— это не послѣднее слово. Все побѣждается самою смертію въ моментъ кажущагося пораженія. «Симъ побѣдишь». Здѣсь настоящая подлинная діалектика, о которой діалектической матеріализмъ и помыслить не можетъ: «смертію смерть поправъ». Здѣсь утверждается, прежде всего, верховный смыслъ христіанскаго этического сужденія — умѣть оцѣнить возвышенное, хотя бы оно и было унижено, умѣть чтить Царя, хотя бы онъ и былъ въ рабѣемъ зракѣ (видѣ), умѣть преклониться передъ святымъ въ его гибели. Здѣсь устанавливается затѣмъ нѣчто прямо противоположное преклоненію передъ фактомъ: невѣріе въ фактъ смерти и гибели, вѣра въ торжество правды и воскресенія. Есть и другая діалектика, извѣстная Ветхому Завету и имъ утвержденная съ огромной силой, діалектика, которая учила умѣнію видѣть **ничтожное**, въ томъ, что сейчасъ **властвуетъ и торжествуетъ**, умѣнію видѣть въ Навуходносорѣ его ничтожество и паденіе. Она входитъ въ Христіанство какъ предпосылка. «Низложи сильныя со престолъ и вознесе смиренныя, алчущія исполни благъ и богатящіеся отпусти тщи» (пусты).

Цари, земные властители укрѣпляютъ власть и празднуютъ побѣду, а пророки, прахъ и ничтожество съ точки зрѣнія «сильныхъ и богатыхъ земли», судятъ и развѣнчиваютъ побѣдителей и торжествующихъ. Это **иная діалектика**, противоположная діалектикѣ Вавилонской башни, утверждающая и проповѣдующая, что всякій, кто создаетъ только высокое а не возвышенное, **погибнетъ**, что ложное торжество силы **разрушится** внутренне и необходимо.

«Побѣдителей не судятъ», говоритъ духовное мѣщанство, — а пророки только и дѣлаютъ, что судятъ побѣдителей. «Побѣдителей не судятъ» — говоритъ современный матеріализмъ, а Евангеліе гово-

рять — «Князь міра сего осужденъ». «Не сули журавля въ небѣ, дай синицу въ руки» — говоритъ пословица, закрѣпляющая житейскую мудрость ищущихъ прочнаго, положительнаго устроенія жизни. А всѣ подлинныя христіане суть странники, перелетныя птицы журавли, летящія въ далекія страны. Призывный крикъ ихъ дѣйствуетъ мистически.

Итакъ, все высшее и драгоцѣнное, что существуетъ въ мірѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и само хрупкое — статую прекрасную разбить легко: разбить молотокъ, уничтожившій статую, трудно.

Если бы существовалъ, однако, только этотъ законъ неизмѣнной разрушимости всего прекраснаго, если бы прочность всегда была обратно пропорціональна цѣнности то, очевидно, дѣло культуры, дѣло всякаго творчества, больше того, всякаго спасенія, было бы безнадежнымъ. Намъ оставалось бы только погрузиться въ безнадежный пессимизмъ и отказаться отъ всякаго творчества и стремленія,

какъ это дѣлаетъ религія буддизма. Однако самое существованіе прекраснаго, возвышеннаго, цѣннаго уже доказываетъ, что есть какая-то противоположная сила, противодѣйствующая его разрушенію. При законѣ абсолютной разрушимости всего цѣннаго, цѣнное давно бы уничтожилось и даже никогда бы не могло существовать. Въ основѣ всего бытія и всей жизни должна лежать какая-то точка, гдѣ сила совпадаетъ съ духовной высотой, гдѣ **святость** совпадаетъ съ **крѣпостью**. Эта точка и есть Богъ — Онъ одинъ «Святый Крѣпкій». И Онъ одинъ обезпечиваетъ послѣднюю побѣду святости и высоты, даруя послѣднюю крѣпость. Вѣра въ послѣднее единство святости и крѣпости, въ то, что святость въ концѣ концовъ даруетъ силу и крѣпость и побѣду, — она и есть вѣра въ Бога, святаго и крѣпкаго. Она и есть вѣра въ Воскресеніе Христово. Она даетъ намъ послѣднее дерзновеніе: «Держайте, ибо Я побѣдилъ міръ».

Студенчество въ Совѣтской Россіи (Обзоръ).

Осуществленіе «шести условій» тов. Сталина (среди которыхъ уничтоженіе «обезлички» и «уровниловки» *) является однимъ изъ основныхъ требованій), въ

*) «Обезличка — обще говоря — отсутствіе опредѣленнаго лица, которому дано, поручено данное дѣло, и, слѣдовательно, отсутствіе личной отвѣтственности. «Уравниловка» — оплата труда, распределеніе стипендій и т. д., внѣ зависимости отъ квалификаціи работника и качества его труда, подведеніе всѣхъ подъ одну норму; напр. специалистъ-слесарь получаетъ столько же, сколько и простой чернорабочій.

жизни высшей школы въ сов. Россіи выразилось въ рядѣ существенныхъ измѣненій административнаго и учебно-организационнаго строя послѣдней. Прежде всего, вводится **единоначаліе** — сосредоточеніе власти въ школѣ въ рукахъ одного лица — директора. Одновременно увеличивается и отвѣтственность директора за состояніе школы, за уровень знаній и т. д.

«Мы вступили въ новый учебный годъ, — пишетъ «Красное Студенчество» — съ конкретной задачей рѣшительно исправить ошибки прошлаго учебнаго года, добиться кореннаго перелома въ повышеніи качества учебы. Огромную роль въ